

и живой фантазіей былъ полонъ обманутыхъ надеждъ и оскорбленій, терзавшихъ ея сердце. Это привело ее къ унынію, отъ котораго она поблѣднѣла и ослабла. Генераль былъ въ отчаяніи. Онъ совѣтовался съ знаменитыми врачами, онъ предлагалъ половину своего состоянія тому, кто вылечить ее, но исцѣленія не было.

— «Бѣдная, милая!—говорилъ Георгъ со слезами на глазахъ:—она можетъ умереть отъ этого, потому что женщина должна говорить, чтобы жить. Врачи ничего не знаютъ, и я убѣжденъ, что къ ней возвратится когда-нибудь даръ слова. Если-бъ это былъ врожденный недостатокъ, я бы ничего не сказалъ; но, вѣдь, ее лишилъ языка случай: это должно быть излечимо. У насъ былъ лейтенантъ, котораго оглушилъ выстрѣлъ изъ пушки; а потомъ рана въ голову вернула ему слухъ. Конечно, я не испыталь бы этого средства на бѣдной женщинѣ, но, я думаю, должны же врачи имѣть что-нибудь взамѣнъ этого».

А между тѣмъ всѣ старанія медицинскихъ знаменитостей были безплодны; нѣкоторые пытались примѣнить какое-нибудь леченіе, даже операцию — все тщетно, и надежда на ихъ искусство была уже совершенно потеряна, когда въ Берлинъ пріѣхалъ иностранный принцъ, въ сопровожденіи своего врача.

Этотъ врачъ имѣлъ громкую извѣстность; онъ былъ членъ-корреспондентъ всѣхъ академій и извѣстнѣе своего господина. При-